

Полетаев Ан.

13/1 88

СЕЛЬСКАЯ НАСТАВКА
г. Москва

13 423 300

-Время. Культура. Мы-

В нашей газете — новая рубрика. Открываем ее по вашей просьбе, уважаемые читатели.

В своих письмах вы предлагаете чаще публиковать материалы, которые затрагивали бы актуальные проблемы культуры, искусства. Особенно много пожеланий, касающихся пропаганды музыкальных жанров. Об этом нам написали В. И. Шмаглый из села Новопетровка Николаевского района Одесской области, В. А. Пономарев из Черниговской области и другие.

«После трудового дня, — пишет Ф. Мальков из села Менчиново Курганской области, — естественно, хочется послушать хорошую му-

зыку. Но вот по телевизору начинается музыкальная передача для молодежи, и здесь много такого, на что без сожаления нельзя смотреть. Сплошь западные заимствованные ритмы. А где же наше национальное музыкальное искусство?

Музыка — ключ к прекрасному. Хотелось бы, чтобы на страницах «Сельской жизни» выступили композиторы, исполнители — все, кто неравнодушен к любимому искусству».

Сегодня о подлинной музыкальной культуре размышляет народный артист РСФСР, художественный руководитель и главный дирижер русского народного оркестра «Боян» Анатолий ПОЛЕТАЕВ.

— Анатолий Иванович, ваш оркестр, названный именем легендарного сказителя Древней Руси, создан в 1968 году. Вы и руководитель, и основатель коллектива. Как вы считаете, достигнуты ли творческие цели, которые когда-то ставили?

— Не мне судить окончательно, оправдался ли эксперимент, начатый 20 лет назад. В чем он заключался? Нужно было построить из народных инструментов оркестр, который бы отвечал времени. Чтобы он был мобильным, экономичным и мог малым составом решать задачи большого исполнительского коллектива. Ведь в нашей стране немало уголков, где никогда не слышали оркестра, так сказать, живьем — только по радио, телевидению или на пластинках. Даже в Воткинске, на родине Чайковского, и то в те годы ни один оркестр не выступал. Мы были первыми.

Нас было тогда 18 человек (а начинали с восьми), но мы всегда претендовали на понятие «оркестр». А это определенные масштабы звука, динамики, палитры красок. Пришлось несколько видоизменить традиционный состав, применить радиотехнику. Последнее, кстати, порой воспринимается болезненно, вызывает усмешки, а то и резкий отпор: «Электронная балалайка — это же кощунство!» и т. д. Но сегодня без техники не обойтись, в том числе и в искусстве. Другое дело, что ее можно использовать и во зло, и во благо. Важно было так приспособить аппаратуру, чтобы не испортить, а улучшить звучание народных инструментов. С этим мы справились.

— И у вас появилась возможность концертировать в самых отдаленных местах?

— Да. Мы сразу же поехали в Сибирь, на Дальний Восток, по адресам ударных комсомольских строек. Асино, Белый Яр, Тюмень, Сургут... Люди работали там и зимой, и летом прямо в тайге, жили в палатках. Для них любая встреча с артистами — праздник. А мы давали тот пласт музыки, тот пласт культуры, который может дать только оркестр. Именно тогда я понял: нас приняли, мы нужны, вот путь, по которому надо идти и дальше.

— Думаю, многим любителям народной музыки Полетаев давно известен как яркий баянист. Еще в 1957 году на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве вы получили золотую медаль...

— Я имел все, о чем можно только мечтать. Играл сольные концерты в лучших залах страны и за рубежом, был членом жюри международных конкурсов. Но я видел, что на мои концерты приходят в основном профессиональные музыканты. Приходят посмотреть, как я владею инструментом, какая у меня методика, техника... А где же публика, которая сеет и пашет? Тот народ, на

средства которого и существует искусство? Ему-то мы должны отдавать?.. Вот почему я взялся за создание оркестра.

Сейчас «Боян» знают и у нас в стране, и за границей. В 1982 году коллектив стал лауреатом премии Ленинского комсомола. И все же наши достижения — я имею в виду не звания и награды — довольно скромны. Тот же творческий потенциал можно было создать намного раньше, если бы не всякого рода неувязки, бюрократические рогатки. Трудностей организационного порядка хва-

культурными, агрессивными. Да, в роке есть соблазн, он отвечает потребностям физиологии. Но ведь если в нас побеждает это физиологическое начало, а не духовное, тогда мы все дальше уходим от понятия «человек».

— Однако есть музыканты, композиторы, которые полагают, что рок может как-то освежить, обогатить традиционную музыку...

— Не думаю, что они в этом искренни. Скорее всего, из каких-то своих конъюнктурных соображений идут на компромисс, поддакивают, соглашаются. По-настоящему образованный, интеллигент-

мог не согласиться. Мне было принципиально важно победить в этой ситуации. Важна победа над нашими горе-организаторами.

— Не над молодежью, а именно...

— Именно над организаторами. Потому что они порой словно специально все стыкуют так, чтобы одно противоречило другому. Я понимал, что сейчас, в данной обстановке, молодежь не готова к восприятию народной музыки, она пришла сюда совсем для других целей. Но мне хотелось побороться за молодежь. Я вышел на сцену и начал такую речь...

— Вы начали со слова?

— Да. Я прямо и откровенно объяснил, как и почему мы тут оказались. Сказал, что у нас нет никаких коммерческих интересов. Мы и в самом деле получаем твердую зарплату и никоим образом не зависим от концертных сборов. Условились: мы будем играть свою програм-

— Я о другом. Деревенский слушатель сегодня пока не готов воспринимать музыку, доступную только для музыкантов — профессионалов. Нельзя играть в шахматы, не зная ходов, а уж тем более нельзя рассчитывать на выигрыш на уровне гроссмейстеров. Публику нужно готовить, воспитывать. Но ее всегда нужно уважать. Мы должны дать людям то, что они ценят и любят. Даже самая неподготовленная в музыкальном отношении аудитория и в городе, и на селе прекрасно принимает народную музыку. А народным, как известно, считается все не то, что просто и примитивно, а то, что создано в интересах народа. М. Глинка — профессиональнейший композитор, написал для симфонического оркестра фантазию на темы двух русских песен, плясовой и колыбельной, «Камаринская». Любой сельский труженик это понимает. Это понятно и профессионалу. Потому что это написано для народа, с мыслью о нем. Классика — всегда народное искусство. Классическая музыка любой страны, любой национальности доступна всем. Любому народ ее понимает.

— Так как все же попасть на ваш концерт? Я что-то нигде не встречал ни афиш, ни билетов на выступление «Боян».

— В Москве у нас свое постоянное место — это памятник архитектуры XVII века, церковь святого Власия. Кстати, в ее реставрации активно участвовали музыканты оркестра. Здесь прекрасная акустика, но, к сожалению, всех желающих принять мы не можем. Да и билеты к нам очень дорогие, дороже, чем в Большой театр.

— Это связано с хозрасчетом? — Нет, просто в нашем зале всего лишь 170 мест. Что же касается рекламы, то московские концертные организации особого интереса к нам не проявляют. Почему? Это уж вопрос к ним.

— Поедет ли в ближайшее время «Боян» на село?

— В нашем активе очень много концертов перед сельской аудиторией. Как правило, они проходили с успехом, и, как правило, публика была малочисленной. И опять виной тому — поразительное равнодушие администрации. Говорил я об этом и в Росконцерте, к которому мы относимся, но... План по числу концертов мы выполняем, а то, что эти концерты убыточны, никого не волнует.

— Планово-убыточные?..

— Выходит, так. Это, по меньшей мере, головотяпство. А главное — мы имеем обширный репертуар, огромный духовный потенциал и при всем своем желании не можем отдать это народу. Нужна решительная перестройка концертного дела. Сегодня филармония превратилась в этикетные лавочки, которые торгуют хоровым товаром. Но что они предлагают, я об этом уже говорил.

Беседу вел П. ЕМЕЛИН.
Фото Л. Белишнина.

КАКАЯ МУЗЫКА ЗВУЧИТ...

тает и по сей день. Хотя все вроде бы понимают, что мы существуем для пропаганды русского народного творчества, для укрепления традиций русской музыкальной школы, для воспитания и образования национального самосознания, чувства патриотизма.

— И все-таки наша молодежь, согласитесь, все еще легко поддается на дешевые поделки...

— Потому что она не знает истинных ценностей, не имеет выбора. А если он и есть, то только из одного материала — рок-движение, рок-звуки... Рок-музыкой это я назвать не могу.

— Что же тогда музыка? — Это понятие совершенного, прекрасного, гуманного. Это, как поэзия. Рифмы — еще не стихи. Так и набор звуков — еще не музыка.

— Наверное, рок-музыка для человека, воспитанного на классике, на высокой гармонии, — как железом по стеклу. Но при всех ее недостатках рок-музыка, мне кажется, все же открывает возможности для самовыражения. Этим она и привлекает молодых.

— У меня совершенно другие представления о роке. Я считаю его одним из способов наркотического воздействия на человека, способом достижения эйфории. Это самообман, когда человек уходит от реальности, чувствует себя увереннее, сильнее, значительнее. Когда он пытается скрыть правду от самого себя. Рок-эйфория сродни наркомании, алкогольному опьянению. И мы должны видеть, насколько вредна для молодежи звуковая наркотизация. Она делает молодых безнравственными, бес-

ный человек не может принять рок-движение, как нельзя принять наркоманию, как, скажем, я не могу принять алкоголь в качестве средства достижения эйфории.

— Ну, а как, по вашим наблюдениям, относятся молодежь к народной музыке? Не кажется ли некоторым юношам и девушкам, что эта музыка несовременна, архаична?

— Отчасти встречается и такое. Потому что многие молодые люди просто-напросто не знают народной музыки. Они загипнотизированы, зарекламированы, их все время тянут в одном направлении. Народное искусство им зачастую вовсе и не предлагается. А если и предлагается, в таком виде, когда они совершенно к этому не готовы.

— Если можно, более конкретно, на примерах ваших выступлений.

— Пожалуйста. Мы приехали в Ростов-на-Дону и должны были дать концерт в Доме офицеров. Там был молодежный вечер. Диско-программа. И в эту программу организаторы гастролей почему-то «вписали» нас. Перед концертом ко мне подошел начальник Дома офицеров и возмущенно: «Продержитесь на сцене хотя бы 10–15 минут. Молодежи это не нужно. Но если мы надолго прекратим танцы, они тут все разнесут, и никакая милиция их не удержит».

Предложение, согласитесь, более чем странное. Мы приехали дать полноценный концерт, а нам предлагают выступить для «галочки». Тем не менее я согласился. Не

му, а кому не понравится, тот может встать и уйти. Я же попрошу включить музыку, чтобы танцы продолжались. Уговор был принят, и мы начали играть.

— Интересно, что же?

— «Вечерний звон». Обработку известной русской песни. И, конечно же, молодежь приняла ее прекрасно. Зал аплодировал. Затем мы сыграли еще более эстрадную, еще более захватывающую вещь — «Куманек, побывай у меня». И опять успех. Те же, кто пришел с таким протестом, поняли, что основная масса поддержала оркестр. Они вышли из зала. Но таких было человек 150, а остальных 850 оставили.

— А как проходили ваши выступления на селе?

— В общем, так же, как и в городе. Концерты, еще раз подчеркиваю, плохо организованы, администрация на местах совсем с публикой не работает. Мы потеряли умение строить концерт, превратили его в обыкновенное зрелище. А ведь концерт — это взаимная работа исполнителей и публики. У нас же, как на стадионе: они играют, а я смотрю. Это несозидательная обстановка. В спорте мы теперь учитываем этот фактор. Дома, оказывается, играть легче — тут свои болельщики. В искусстве атмосфера зрительской поддержки тем более важна.

— Не получается ли так, что деревню считают второстепенной публикой? Не потому ли сюда и возут всякую халтуру?

О вкусах спорят. Каково ваше мнение по затронутым вопросам? Ждем писем.